П. Максаковский.

К теории цикла и динамике советского хозяйства[1]).

Выдающаяся книга В. Базарова ставит ряд важных теоретических проблем. В ней дана одна из наиболее углубленных попыток исследования структуры капиталистического цикла и критический разбор других процессов хозяйственной динамики (вековые движения, большие циклы), отмечаемых современными исследователями и систематиками кон'юнктуры. Уже этой своей стороной книга должна оказаться в центре внимания, учитывая из года в год растущий интерес к вопросам динамики капитализма.

За последние десятилетия накоплен значительный материал первичных наблюдений и систематизаций кон'юнктуры. Перед научной экономией стала задача дать связное, причинное об'яснение циклу и кон'юнктуре. Эту задачу до сих пор пробовала решить буржуазная экономия. По имеющимся разработкам можно судить, что задача в целом ей не по силам. Причины — общеизвестны. Марксистская экономия только поворачивается лицом к этой проблеме. За исключением отдельных постановок и замечаний Маркса, рассеянных по его экономическим трудам, а также разработок вскользь и попутно имеющихся у Гильфердинга, Р. Люксембург, Бауэра и др., не было до сих пор сколько-нибудь систематической попытки поставить и разрешить проблему цикла и кон'юнктуры.

Книжка Базарова и является этой исходной попыткой.

Однако, автор не ограничивает себя рамками капиталистического хозяйства. Вторую часть книжки он посвящает закономерностям динамики советского хозяйства. «Задачей настоящей работы,—говорит он,—... является попытка наметить в порядке первого, крайне грубого наброска некоторые динамические закономерности, присущие, с одной стороны, нормальному циклу классического капитализма, с другой стороны — «восстановительному процессу», пережитому за последние годы народным хозяйством СССР» (с. 15). Больше того, по ходу изложения книжки, по ее своеобразному внутреннему темпераменту, по частым экскурсам из «капиталистической» части в «советскую» и, обратно, можно безошибочно угадать, что центр интереса автора лежит именно в «советской» части. В. Базаров сумел увязать обе проблемы, сказать «новое» слово как здесь, так и там. Посмотрим, насколько это было основательно сказано. Мы собираемся с одинаковым вниманием отнестись к обеим авторским «скрижалям».

Начнем, с «капиталистического» конца. Здесь Базаров поставил два основных круга вопросов: 1) вопросы непосредственно динамики капитализма, развертывающиеся в понятной связи: проблема воспроизводства — структура торгово-промышленного цикла и 2) методологические вопросы, на которые автор пробует опереть ход своего исследования. Начнем, естественно, с последних.

[1]) Настоящая статья заключает критический анализ работы В. Базарова «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР». (Гиз, 1927 г.).

1. Методология Базарова.

Предложим высказаться самому автору. В. Базаров задается вопросом: «нельзя ли к общественным отношениям применить ту же самую систему основных категорий и единиц измерения, какая применяется точной наукой ко всем вообще материальным процессам»? (с. 17). И отвечает, что можно. Нет непроходимых различий между, скажем, предметами изучения психологии и социологии. Они «не представляют собой каких-либо материально обособленных областей природы; это лишь особые точки зрения на некоторые из тех процессов, которые в их натуралистическом аспекте бесспорно подлежат включению в общее уравнение энергии» (с. 35, разрядка моя. *П. М.*).

И в другом месте: «Строго говоря весь реальный мир есть такая система», покоящаяся на действии закона сохранения энергии (с. 21).

Серьезное, налагающее большую ответственность утверждение. Вопрос идет не о том, что любая область человеческого знания развивается по законам диалектики, вопрос идет о том, что поскольку каждая наука имеет свой «натуралистический аспект», имеет то или иное отношение к материальным процессам, то ее область может быть сведена к действию закона сохранения энергии. Мы сразу же отмечаем, что в применении к обществоведению это означает недооценку общественной расстановки людей и вещей.

Но персонифицируют общественные отношения люди, которых невозможно непосредственно отожествить с материальными условиями производства. Это не приводит пока в затруднение автора. «Так как состояние каждого «индивидуума», являющегося носителем энергии, определяется его положением в пространстве, местом, занимаемым им в поле общественных сил, — говорит он, — то силы эти должны иметь потенциал, а, следовательно, общественные процессы должны подчиняться закону сохранении энергии. Тем самым выполняются, как будто бы, все те предпосылки, которые необходимы для того, чтобы применить к обществу универсальную теорему о распределении энергии (с. 24, разрядка моя. *П. М.*).

Итак, вопрос принципиально решен. И материальный производственный процесс и общественная оболочка, в которую он заключен, могут быть изучаемы, исходя из законов естествознания.

Но зачем, спрашивается, эти искания, что руководит автором, когда он берется за столь важную и спорную проблему? Первое — «упорядочение» марксистской социологии. Нужно, говорит автор, «создать новую главу геофизики, в которой общественные явления исследовались бы теми же методами, как воздушные течения осадки, поднятие и опускание почвы и т. п. И если бы построенная таким образом геофизическая теория оказалась вместе с тем начатками социологии, как точной науки, мы сразу сделали бы гигантский шаг вперед в познании человеческого общества». (с. 17—18, разр. моя. *П. М.*).

Оказывается, вскрытые и сформулированные Марксом законы исторического развития недостаточны. Они должны принять характер естественнонаучной геофизической теории и только в таком виде обеспечат действительное познание человеческого общества. Старая, эклектическая, ревизионистская мысль!

Применение авторского принципа требует в первую голову разработки социологии «в энергетическом аспекте». Здесь открылись бы широчайшие перспективы влияния общества на свой экономический процесс. Оказывается, принцип сохранения общественной энергии дал бы

нам не только систему безупречных измерителей и строго обоснованных равенств для составления баланса народного хозяйства, но позволил бы вместе с тем «формулировать ряд универсальных закономерностей, предопределяющих основные линии развития производительных сил» (с. 22, разр. моя. *П. М.*).

Чарующие перспективы! Автор нигде не оговаривается, что он свои дары преподносит одной формации — социализму. Наоборот, из дальнейшего изложения мы увидим, что он свой реформаторский дух сосредоточил именно на капитализме. Именно для капиталистического хозяйства он стремился «формулировать ряд универсальных закономерностей, предопределяющих основные линии развития производительных сил». Здесь лежит его мечта овладения экономическим процессом на базе «точной» науки. Умаление значения специфических экономических законов, действующих в каждой формации,—вот первый результат, к которому приводит автора его методологическая установка. Однако, пора сформулировать мысли автора в целом.

Базаровым предпринята попытка «научно» обосновать социологию и экономию, путем перенесения естественнонаучной методики на общественные явления. По установлении критериев и форм этого перенесения — принципиальная возможность кажется автору неоспоримой — должна быть построена энергетическая теория общественного хозяйства, с основанием в виде закона сохранения энергии. Исходя из последнего конструируются ряды «универсальных закономерностей», которые заместят вскрытые и формулированные Марксом исторические и экономические законы.

Для начала автор упрощает вопрос. Опираясь на то, что в «натуралистическом аспекте» каждая наука имеет дело с материальными процессами, он выставляет тезис о возможности изучать эти процессы с точки зрения затраты и прекращения энергии—эргами, килограммометрами и др. единицами измерения. В такой локализованной постановке нет ничего «криминального». Если автор откроет этот способ измерения и докажет научную целесообразность своего занятия, он может своими выводами помочь научной организации труда и т. д.

Однако, автора вовсе не это интересует. Перед его энциклопедическим «взором» витают вовсе не «нотовские» цели. Он ставит проблему применимости «к обществу универсальной теоремы о распределении энергии», естественнонаучную отработку общественных явлений, как таковых. И здесь его попытка кончается полным банкротством.

Конкретно автор «срезался» на общественной формулировке закона сохранения энергии, т.-е. важнейшем исходном пункте. Перед автором во весь рост стала такая коллизия. «Общественным потенциалом» затраты человеческого труда при капитализме является понятие абстрактного, общественно-необходимого труда. Единственными формами естественнонаучного измерения энергетических затрат являются эрги, килограммометры, калории и т. д. Общественно-необходимый труд невозможно свести к этим физическим единицам, так как более квалифицированный рабочий по сравнению с менее квалифицированным создает большую ценность, хотя и затратит меньше энергии в ее физически улавливаемом выражении. Отсюда, пессимистически рассуждает автор, — «измерение продукта труда количеством затраченных эргов или килограммометров работы дало бы нам не общественную стоимость, а некоторую физическую величину, лишенную всякой социальной значимости» (с. 37, разр. моя. *П. М.*).

Но, мы были бы чересчур наивны, если бы подумали, что признанное самим автором банкротство его немарксистской попытки заставило его отказаться от самой установки, от самого подхода к переключению категорий естествознания на общественные явления. Нет и только нет, отвечает автор. Все дело в том, что он, Базаров, не мог сразу решить эту задачу. «Ошибка энергетических теорий общества заключается не в том, что они пытаются построить понятие общественного силового поля... а в том, что они делают это без достаточного критического анализа...» (с. 38). Поэтому должна приветствоваться и быть поддержанной всякая попытка в этом направлении.

Сам он, Базаров, на всем протяжении своей книги дает большое количество частных, естественно-математических конструкций и формул, которые должны об'яснять или помогать об'яснению явлений хозяйственной динамики. Накопление таких частных попыток подготовит в будущем грандиозный синтез. Такие «частные конструкции, поскольку они окажутся удачными, могут подготовить материал для грандиозной синтетической работы грядущего Ньютона социологии», заверяет он (с. 39, разр. моя. *П. М.*). Этот «грядущий Ньютон» упорядочит марксово наследство,—эти первые школьные пробы пера в области социологии.

В лице Базарова мы, несомненно, имеем дело с ревизионистской попыткой пересмотреть марксову методологию изучения общественных явлений, подвести под общественные явления естественнонаучную базу. Эти попытки не новы. Они вынашивались автором целыми десятилетиями. Но в данной работе они приняли обстренный характер прямого нападения на марксизм. Стремление стереть грани между естествознанием и обществоведением,—вот основной фокус попытки Базарова. «Идеал монистической универсальной науки является бесспорно высшей целью познавательной работы человечества»—декларирует он (с. 25 примеч., разрядка моя. *П. М.*).

Именно эта общая с А. А. Богдановым мысль оплодотворила «синтезирующие» попытки автора. Перенесение категорий естествознания на обществоведение «приближает» к осуществлению этой идеи. Невредно вспомнить, что говорил Владимир Ильич, когда впервые зародилась энергетическая теория общественного хозяйства у Богданова.

«Богданов,—говорил он,—занимается вовсе не марксистским исследованием, а переодеванием уже раньше добытых этим исследованием результатов в наряды биологической и энергетической терминологии. Вся эта попытка от начала до конца никуда не годится, ибо применение понятий... энергии, энергетического баланса и проч., и т. п., в применении к области общественных наук есть пустая фраза. На деле никакого исследования общественных явлений, никакого уяснения метода общественных наук нельзя дать при помощи этих понятий» [1]) (разр. моя). И Вл. Ил. с беспощадной остротой вскрывает корень этих не-марксистских попыток. Эмпириокритицизм, в одинаковой мере являющийся мировоззрением как Богданова, так и Базарова, «ведет, даже при самом искреннем сочувствии к выводам марксизма, к искажению исторического материализма претенциозно-пустой энергетической и биологической словесностью» [2]). И дальше Вл. Ил. прямо говорит «о неразрывной связи реакцинной гносеологии с реак-

[1]) Н. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», с. 335, изд. 1920 г.
[2]) Там же, с. 336.

ционными потугами в социологии», осуществляющейся на примере указанных авторов [1]).

Теперь несколько слов о самой возможности подобных попыток. Стремление просто переносить методологию одной науки на другую прямо противоречит диалектическому методу. Диалектический метод применим ко всем областям человеческого знания. Но в зависимости от об'екта изучения он «порождает» особый методический аппарат каждой науки. В соответствии с этим законы естествознания выводятся из специфической структуры движения и превращений материи и только к ним приложимы. Общественные, экономические законы—неот'емлемая часть движения «социальной» материи, отражая собой закономерность людских отношений, складывающихся по иному на каждой решающей ступени развития материальных производительных сил. То обстоятельство, что материальный процесс производства, который определяет существование и развитие общества, может быть рассмотрен с естественнонаучного угла, ни в какой мере не определяет и не касается взаимоотношений людей в этом процессе, общественной обусловленности течения производственного процесса, которая и отливается в форму общественных «законов». Специфическая структура этих законов целиком исключает попытки захвата области обществоведения естественнонаучной методикой. Если же эти попытки имеются налицо, то они в качестве первого своего результата сказываются в умалении общественной формы, скрадывании различий между социализмом и капитализмом. Тем самым, научно-методический аппарат любой науки, тем более таких противоположных по об'екту изучения, как естествознание и обществоведение, не может ни при каких условиях быть перенесенным на изучение другого об'екта.

Больше, недопустимо смешение методических приемов исследования родственных наук одного цикла. Нельзя, например, только при посредстве метода диалектики и исходя из категорий исторического материализма, вскрыть закономерности капитализма. Для этого нужен особый методический арсенал, представляющий собой видовую конкретизацию диалектического метода в применении к данной области общественной науки. В свою очередь методы теоретического изучения капиталистического хозяйства негодны для изучения сложившегося социализма и т. д. Базаров теоретически и на деле отрицает это важное положение марксистской методологии. Обанкротившийся на попытке применить категории физики для анализа качественных экономических узлов, он пробует взять реванш на исследование количественных закономерностей динамики капитализма. Приведу наиболее разработанную его попытку, которой он «скромно» гордится.

Начнем опять-таки с методологического введения. «Можно ли... пользоваться для отыскания количественных закономерностей в социальной жизни «аналогиями» с построениями натуралистов?» (с. 66). И отвечает, что можно,—«единство метода вполне законно там, где качественно различные явления имеют тождественные организационные связи, где материально различные процессы формально одинаковы, обладают одной и той же структурой» (с. 66, разр. автора. *П. М.*). В результате можно построить схематические «модели» сложных процессов, помогающих их уяснению. «Если он (метод. *П. М.*) встречает упорную оппозицию в обществоведении, то в значительной степени просто потому, что в среду обществоведов соответственные навыки мышления до сих пор не проникли» (с. 66). А в другом месте автор выразился еще более ясно—благодаря невежеству обществоведов.

[1]) Там же, стр. 342.

Как олицетворение новых навыков экономического «исследования» автора, приведу следующую «структурную аналогию», касающуюся тождественности процесса насыщения рынка с протеканием реакции обменного разложения. «Так как получающийся в результате реакции углекислый газ улетает в воздух (товар, вступив в сферу потребления, исчезает с рынка), то процесс идет до конца, до полного превращения всех молекул в молекулы поваренной соли (до полного насыщения платежеспособного спроса всех потребителей, имеющих нужду в товаре)... Покупатели нашего товара, в отличие от молекул, одарены сознанием и волей: их намерения, планы, расчеты бесконечно разнообразны, но, во всяком случае, не более разнообразны, чем те стихийные толчки, которые непрестанно испытывают находящиеся в растворе молекулы»... и т. д. (с. 70).

Итак, формальная аналогия помогла. Найден общий язык между естественным и общественным явлением. «Блестяще» доказанная попытка завершается математической формулой, которой «выражается закон насыщения рынка в его простейшем виде». Общественно-хозяйственный процесс пойман, дисциплинирован и крепко заперт в математическую формулу, выведенную автором не на основе анализа общественного процесса, а... химической реакции.

Эта подмена не происходит бессознательно для автора. Она—прямой результат его методологического подхода. Для него нет проблемы в возможности отожествлять по формальным признакам общественный и естественный процесс, он исходит из этой возможности, как неоспоримой, данной более «научным», «глубоким» подходом, чем марксов метод.

Можно ли пользоваться в качестве иллюстрации отдельными сравнениями и примерами из естествознания? Несомненно. К ним неоднократно прибегал Маркс (всп. I гл., I т., «К.»). Однако, это не означает, что при помощи формально, искусственно подогнанной аналогии между естественными и общественными процессами, можно сформулировать ту или иную общую или частную экономическую закономерность. Ни в каком случае. На деле получается вливание в естественную закономерность общественного явления с десятками ограничений и обусловливаний.

Этот упор на формальное тождество приводит неизбежно к перегибу в сторону не-диалектического, формального подхода, который затемняет сущность самих экономических процессов. Что может дать превращение людей в «социальные молекулы», рассматриваемые соотносительно с «химическими молекулами»? [1]). Ничего, только запутывается вопрос, разрывается единство экономического анализа, на первый план выступают метафизические вопросы сходства и различия, при полном забвении качественной сущности.

Для Маркса построение «модели»—теоретическая отработка типовых, качественных отношений капиталистического хозяйства. Этот прием имеет огромное познавательное значение, так как позволяет сложный капиталистический комплекс распластать на ряд составных его элементов, дать теоретический слепок отдельных частей этого взаимодействующего целого. В «конструкциях» Базарова, наоборот, господствует формальная аналогия, которая «обрабатывает» экономические явления не в соответствии с их внутренней диалектической связью, а, наоборот, вырывает их из контекста этой связи и придает им цвет и окраску, заимствованную у естественных явлений, которые являются исходным звеном у просвещенного «аналитика» и становятся в его руках орудием распознавания «скрытых» тайн экономического процесса.

[1]) Перв. ст. В. Базарова, «План. Х-во», 1926. № 4, с. 114, 117.

Считая ревизией марксовой методологии попытку переключить общественные законы в категории естествознания, считая по существу продолжением этой попытки построения частных «структурных аналогий», когда общественные процессы, вырываясь из их внутренней связи, обрабатываются под углом естествознания, мы не отрицаем познавательного значения отдельных иллюстраций и сравнений с естественными процессами—раз, применения математики к анализу количественных закономерностей экономики — два.

Здесь не место останавливаться на этом подробно. Математические формулы, которыми оперирует Базаров, это—формулы естествознания, которые он в целом или с модификациями, стремится перенести на круг общественных явлений. Поэтому, они неприменимы по большей части. Другое дело математическая отработка отдельных общественно-экономических процессов, взятых в их внутренней диалектической связи. Поскольку идет вопрос об исследовании количественных закономерностей и более наглядном выражении действия основных экономических категорий, перед математикой—большие перспективы. Не являясь самостоятельным орудием познания экономического процесса, математика умелым, методологически-проверенным использованием ее внутренних трансформаций, способна придать более четко очерченные контуры отдельным звеньям теоретической системы капитализма.

Немарксистская методология Базарова является той общей основой, на которой развернулись принципиальные и конкретные ошибки последнего в исследованиях закономерностей капиталистической и советской динамики.

2. Структура капиталистического цикла.

Базаров значительно продвинул вперед исследование структуры торгово-промышленного цикла. Им сформулирован ряд интересных соображений, касающихся общеструктурной линии цикла и его движущих элементов. Однако, систематической разработки теории цикла у автора нет. Он ограничился исследованием общеструктурной линии,—выставил и обосновал «причину» цикла и очень кратко, схематически зарисовал его отдельные фазы. Но механизм цикла,—механизм реального капиталистического воспроизводства, как он протекает на базе меняющихся ценностных и ценовых соотношений,—автор почти не исследовал. Больше, в самом подходе к этой задаче Базаров обнаружил серьезнейшие ошибки, которые впоследствии сказались на исследованиях им динамики советского хозяйства.

Начнем с движущих толчков цикла. Базаров значительную часть своего исследования посвятил разработке марксова тезиса, что исходным толчком капиталистического цикла является переход производительных сил с низшей на высшую ступень. «Своеобразие развитой нами структурной схемы заключается... в том, что она рассматривает рост производительности труда как стержень всего цикла. Самый цикл, является с нашей точки зрения, лишь характерной для капитализма формой перехода с низшего уровня производительности труда на высший» (с. 55). Это—бесспорно правильная мысль. Автор не забыл упомянуть, что отмеченное им «своеобразие» открыл еще Маркс [1]).

Однако, Базаров не ограничился тем, что сказал Маркс, он «попытался» пойти дальше. Можно вообще говорить о циклической динамике, присущей капитализму, заявляет он, но последняя не обязательно обнаруживается во все исторические этапы капитализма. Когда дан толчок циклу в виде под'ема производительности труда, депрессия неизбежно перерастает в под'ем, тем самым «все дальнейшие фазы цикла, вплоть до кризиса и новой депрессии, предрешены автоматизмом капиталистического процесса. Но нельзя того же сказать о самом толчке, выводящем хозяйство из депрессии... Запасы возможных технических улучшений всегда имеются в распоряжении капитала, но бывают эпохи, когда эти запасы пополняются сравнительно медленно и являются недостаточными для того, чтобы в период депрессии создать мощное повышение уровня, способное вызвать к жизни полнокровный капиталистический цикл. Тогда депрессия становится хронической, колебания производительности труда происходят, но в итоге их общий уровень не повышается, или повышается настолько медленно, что бурные периоды капиталистического расцвета не возникают» (с. 48, разрядка моя. *П. М.*). И, как на живой исторический пример, Базаров указывает на длительную депрессию 70—90-х годов прошлого столетия.

Общее положение, лежащее в основе рассуждений автора,—что, не будь технического под'ема, не было бы цикла,—безусловно верно. Однако, неправильно сводить зависимость цикла от технического сдвига к простой функциональной зависимости. Вопрос значительно сложнее. Во-первых, капитализм не знает периодов полного застоя техники, тем более при действии свободной конкуренции (70—90-е годы). Во-вторых, если даже и согласиться с мыслью о слабом приросте техники, нет оснований утверждать о замене цикла хронической депрессией, как это делает Базаров. Причины в следующем.

Переход общественного производства на новый технический уровень в период депрессии имеет не одну, а две ступени. Как общее правило, сократившийся спрос насыщают передовые в техническом отношении предприятия, которые и в условиях низких цен могут реализовать прибыль. Средние и низшие группы навсегда, или временно, сходят со сцены. Уже этим выпадением последних технический уровень производства переместился выше. Капитализм перешел на максимальную ступень достигнутой им техники, но которая была исключением, а не общим правилом, во время под'ема. Так получается первый технический сдвиг, связанный с моральным износом оборудования низших групп. Отсюда уже начинает течь струя платежеспособного спроса, которым депрессия перерастает в под'ем.

Однако, периодов полного прекращения технических изобретений не знает капитализм. Это чуждая капитализму фантазия мыслителя. Переоборудующиеся предприятия берут курс на еще более высокий, чем функционирующая группа, уровень техники, — дальше продвигают цепочку рационализации и реконструкции. В результате—не «хроническая депрессия» Базарова, а доподлинный цикл.

Но нас «оригинальные» моменты Базарова могут интересовать и в другой связи. Нет значительного прироста технических изобретений—нет условий перерастания депрессии в под'ем, следовательно, нет нормального цикла, состоящего из трех основных фаз,— его замещает длительная депрессия. На определенном историческом этапе, оказывается, кризис исчез, фигура «реального воспроизводства» потеряла свою циклическую форму. Оказывается, и при капитализме может временно затухать цикл. Независимо от мотивов вывод Базарова сближает его с буржуазной экономией. Туда же клонят его сомнения в автоматизме цикла. «Господствующее в настоящее время представление о кон'юнктуре, как саморазвивающемся процессе, где депрессия автоматически родит под'ем и наоборот, нуждается в поправке. Если кризис (или депрессия) с неизбежностью вытекает из предшествующего под'ема, завершением которого он является, то под'ем еще не дан предшествующей депрессией: между

[1]) Маркс, «К.», II т., с. 158, изд. 1923 г.

ними всегда есть разрыв...» [1]). Это для Первушина понятно. У него цикл открывается «вступлением в действие мощных факторов особого порядка, не стоящих в неразрывной связи с предшествующим состоянием кон'юнктуры (большой мировой урожай, крупный технический сдвиг» [2]). Другими словами, выделив технику на положение извне действующего фактора, Первушин пришел к отрицанию автоматизма цикла.

Но соображения буржуазного эклектика Первушина не закон для «марксиста» Базарова. Базаров не может не знать, как осуществляется технический прогресс в рамках капиталистического хозяйства: 1) производственные отношения капитализма в каждый данный момент срастаются только с той материально-технической оболочкой, которая в состоянии выдерживать «тяжесть» этих отношений, т.-е. обеспечивать их расширенное воспроизводство; 2) неодинаковость органического строения производства является постоянно действующим моментом применения технических изобретений, при чем этот процесс приобретает исключительно массовый характер в послекризисный период, в момент наивысшего обострения конкуренции; 3) в капиталистической системе, никогда равномерно не используется вся сумма имеющихся технических изобретений: задержка в росте технического строения производства в период под'ема, сопровождается исключительно массовыми реконструкциями и рационализациями во время депрессии. Правильное одной стороной положение Базарова, что периоды радикальных технических революций создают исходную почву для ярко выраженного цикла, не означает ни в какой мере исчезновение нормального цикла в промежуточные периоды. Как там, так и здесь, на всем протяжении сложившейся капиталистической истории до полосы краха функционирует нормальный цикл (распадающийся на три основных фазы), как специфическая форма течения реального капиталистического воспроизводства.

Маркс своими замечаниями не оставил ни малейшего сомнения на этот счет. «Как небесные тела, раз они приведены в известное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременного расширения и сокращения, постоянно воспроизводит его. Следствия в свою очередь, становятся причинами, и сменяющиеся фазы всего процесса, который воспроизводит свои собственные условия, принимают форму периодичности» [3]) (разрядка моя. *П. М.*).

В этой цитате Маркс совершенно ясно говорит о непрерывном воспроизведении условий самой цикличности—«процесса, который воспроизводит свои собственные условия», неизменно и постоянно. Здесь нет и намека на... разрыв отдельных его условий.

Там же Маркс совершенно ясно показывает, что если и говорить об исходном толчке, то цикличность знает один толчок—сложившуюся систему капиталистического производства — и только. Именно здесь заложен заряд постоянно действующего автоматизма цикличности. «Только с того времени, когда механическая промышленность пустила столь глубокие корни, что она стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность... когда, наконец, промышленные нации, вступившие в конкуренцию друг с другом, сделались достаточно многочисленными,—только с того времени выступили те все снова и снова повторяющиеся циклы... которые каждый раз ведут к всеобщему кризису, завершающему один цикл и начинающему новый» [1]) (разр. моя. *П. М.*). Дальнейшие аргументы излишни.

[1]) Первушин, «Хоз. Кон'юнктура», с. 69—70, изд. 1925 г.
[2]) Там же, с 55.
[3]) Маркс, «К», т. I, изд. 1923 г. С. 625.

Базаров смешал две вещи: резко выраженный цикл с максимальными изломами кон'юнктуры и более слабо очерченную цикличность. Выделив последнюю на положение «особой структуры» капиталистического цикла, характеризующуюся другим более упрощенным строением («хроническая депрессия»), Базаров для обоснования «причин» этого явления произвел ревизию марксова тезиса об автоматизме цикла, приблизившись в этом вопросе к Первушину и др. буржуазным экономистам.

Кроме того, постановка Базарова неправильна и в ее методологическом разрезе. Базаров конструирует свои замечания, исходя из взаимодействия факторов «чистого» капитализма, а в качестве подтверждения берет конкретно-капиталистическую динамику 70—90-х гг. «Фактические данные,—говорит он,—вполне подтверждают... построенную выше схему структуры капиталистического цикла» (с. 53). Это положение верно лишь в своей основе. Поскольку циклическое течение воспроизводства присуще только капитализму, эта конкретная форма динамики обнаружится и на поверхности конкретно-капиталистического развития, как оно слагается из взаимодействия капитализма с некапиталистической средой, влияния урожаев на кон'юнктуру и т. д. Короче—историческое господство капитализма, должно обнаружиться и в господстве присущей ему формы динамики.

Переход производительных сил с одного уровня на другой—более повышенный—главное условие цикличности. Однако, на ряду с этим основным фактором на конкретный цикл воздействует множество других: внешний рынок, урожай, политические события и т. д. Не определяя и не отменяя качественного строения цикла, они определенными сочетаниями сильно влияют на конкретную структуру цикла: определенное течение под'ема, кризиса, депрессии. При этом совершенно необязательно, чтобы действие этих влияющих факторов всегда совпадало с направлением действия главного. При небольшом техническом сдвиге масштаб производства может широко развернуться на базе вновь открытых рынков или влияния хорошего урожая, резко повысившего покупательную способность сельского населения и т. д. Здесь возможны самые разнообразные комбинации. Если технический сдвиг—основная предпосылка цикла, то это еще вовсе не означает, что конкретная физиономия цикла будет простой его фотографией. Это особенно уместно отметить по отношению к эпохам, характеризующимся замедленным техническим прогрессом.

Не учтя всей сложности картины, Базаров впадает в элементарное противоречие. Он кропотливо высчитывает соотношение под'ема производительности труда и прироста продукции в 70—90-е гг. и непосредственно отсюда восходит к выводам об «особой структуре» цикла за «этот период». Это, по меньшей мере, однобоко. Но и в пределах своей неудовлетворительной постановки Базаров не в состоянии фактами обосновать свой тезис. Так, исследуя зависимость масштаба производства от под'ема производительности труда, он находит основание говорить о «хронической депрессии» только по отношению к Франции. Рассмотренная им динамика германского хозяйства (металлургия) ни в малейшей степени не подкрепляет его построений, в чем он сам откровенно признается (с. 52).

Однако, это еще не все. Выведенная им кривая производительности труда металлургии Франции описывает странные, непонятные зигзаги. Начиная с 1875 и кончая 1900 г., мы имеем четыре попеременных чередования

[1]) Маркс, «К», I т., 1923 г., с. 625.

под'ема и глубоких падений производительности. Как можно об'яснить эти глубокие падения производительности, автор нам не раз'ясняет. Мы же лишены возможности их уразуметь.

Рост производительности труда при капитализме непосредственно выражается в повышении технического строения производства. Если отвлечься от дороговизны сырья и оборудования, резкие снижения производительности можно об'яснить лишь отказом от производства на добытом уровне техники и переходом на низший, или массовым ослаблением нормы эксплоатации. Но, это противоречит всему двигательному механизму капиталистического производства. Автор не об'ясняет нам всей механики выведения им кривой производительности, мы же, исходя из общеизвестных марксистских положений, в праве поставить под сомнение познавательную точность сконструированной им схемы. Тогда все аргументы, «доказывающие» неправильное положение автора, сами собой отпадают.

Общий вывод, который можно сделать, звучит следующим образом. Попытка Базарова дать об'яснение конкретной структуры капиталистического цикла окончилась неудачей. Она привела его: 1) к отказу от марксовой постановки автоматизма цикла и тем самым прибли зила к буржуазной экономии; 2) к отказу от монистической структуры цикла в применении к различным историческим отрезкам сложи вшегося капитализма; 3) к недостаточному разграничению действия качественных предпосылок цикла и его количественных факторов. Базаров чувствует неувязку своего анализа с последней стороны и пробует найти выход из положения.

Марксист,—говорит он,—«не может довольствоваться констатацией множественности факторов хозяйственного оживления; под видимой множественностью разнородных факторов скрывается единый по своему экономическому смыслу процесс». Посмотрим, как это выглядит. «В самом деле,—рассуждает автор,— крупный урожай, реально повышающий платежеспособный спрос значительной массы населения, бесспорно в состоянии вызвать перелом депрессивной конъюнктуры. Но что такое урожай в производственном аспекте? Не что иное, как временное повышение производительности труда в полеводстве, вызванное, правда, не техническими улучшениями, а благоволением небес, но от этого ничуть не менее реальное» (с. 57). Итак, и «благоволение небес» трудится над укреплением мысли автора. Но, этого мало. «То же самое можно сказать о капиталистической экспансии», продолжает он. И «вновь открытый рынок, повышенный урожай и всякий иной «фактор» означает «повышение среднего уровня производительности труда», «стимулирует основной метод преодоления депрессии» (с. 58).

Итак, урожай, это — повышение производительности труда, «вновь открытый рынок» не обозначает по «существу» ничего иного. Помимо этих форм, существует ранее исследованный уровень производительности труда, опирающийся на рост техники. Подобная мешанина представляет собой прямое искажение марксистского понятия производительности труда. Маркс много положил труда в своей теории ренты для доказательства принципиальных различий и недопустимости смешения производительности труда, определяемой непосредственно природными данными (плодородие, урожай), и производительности труда, как выражения технического строения производства. Достаточно сказать, что, именно исходя отсюда, он вывел специфические особенности производства и ценообразования в сельском хозяйстве. Это первое. Второе: никакого повышения производительности труда непосредственно не вытекает из открытия нового рынка. И уже совершенно другой вопрос, что и урожай и новый

рынок воздействуют на ход капиталистического воспроизводства, тем самым на ход цикла. Для понимания этого воздействия совсем не следует растворять эти факторы в производительности труда. Они—законные, влияющие условия конкретного воспроизводства.

«Растворительная» попытка автора об'ясняется тем, что он с самого начала не разграничил «чистое» и «конкретное» воспроизводство. Исследуя конкретный цикл, автор упорно не сходит с позиций, определяющих «чистый» капиталистический цикл. Невозможность отмахнуться от таких крупнейших факторов цикла, как урожай и внешний рынок, приводит к попытке растворить их целиком и без остатка в понятии производительности труда. Если воспользоваться «аналогиями», к которым питает такое пристрастие автор, то исходя из его постановки можно растворить производственные отношения в понятии производительных сил только на том основании, что они влияют на их развитие.

Таким образом, неразграничение факторов «чистого» и «конкретного» цикла, неуменье рассмотреть циклическую закономерность в этих двух последовательных разрезах исследования приводит к чудовищному отожествлению различных и различно влияющих факторов. Кстати, что бы должен сказать Базаров, если бы с техническим под'емом совпал сильный неурожай? Производительность капиталистического производства и производительность «небес» пришли бы в явное противоречие. Как бы его разрешил автор?..

Но, даже принимая всю постановку автора в ее «чистом» виде, мы не освобождаемся от глубоких противоречий. Урожай, новый рынок (предполагается некапиталистический рынок)—предпосылки «технической и организационной перестройки ведущих отраслей капиталистической промышленности» (с. 58), они «лишь постольку облегчают выход из депрессии,—говорит автор,—поскольку действие (их) сводится к повышению производительности труда» (с. 58). Но мы в праве сомневаться в применимости этого соображения автора к периодам, характеризующимся замедлением прироста техники.

Как может в этом случае производительность «небес» и новых рынков сказаться в «технической и организационной перестройке», если налицо нет прироста техники, а следовательно, и развертывания масштаба производства. Последовательная авторская мысль должна была бы отрицать возможность под'ема в подобном случае. Или под'ем—«главная структурная линия» летит у автора вверх тормашками, или нет под'ема—не действуют вновь открытые рынки и урожаи, что целиком противоречит конкретным историческим фактам. Эту коллизию не может преодолеть авторская «теория», потому что она отошла от Маркса в этом вопросе. Это—«роковой» исход всех самостоятельных авторских построений.

Нет периодов, характеризующихся полным застоем техники, нет периодов, когда бы на конкретную структуру цикла не влияли факторы, вытекающие из сожительства капитализма с некапиталистической средой. Отожествлять эти факторы, значит упрощать капитализм, спутывать то, над разграничением и методологической отработкой чего столько потрудился Маркс. Это стремление к об'единению, «синтезированию», упрощению проникает все изложение Базарова. Причина указанного явления нами была указана выше. Она заключается в немарксистской методологии автора, в стремлении амальгамировать, сводить друг к другу на основе только формальных признаков качественно различные явления, спутывать различные процессы и т. д. К этому обязывает осуществление «светлого» «идеала монистической науки» тектологии.

* * *

Теперь займемся другой группой ошибок Базарова, связанных с механизмом развертывания цикла.

В книжке Базарова есть все три исходных звена для исследования капиталистической динамики: схема воспроизводства—структура цикла—основные элементы теории кризисов. Однако, эти звенья не увязаны между собой: 1) Базаров не установил основные ступеньки перехода от идеально-схематического воспроизводства к его реальному течению; 2) Базаров не увязал общей теории кризиса Маркса с реальным кризисом, как составной частью циклической «фигуры» капиталистического воспроизводства.

Указания на рост производительности труда, как исходный толчок цикла, совершенно недостаточно. Необходимо было показать механизм движения цикла: как повышение уровня производительных сил изменяет ценностные соотношения общественного производства, какое выражение этот процесс находит в динамике рыночных цен, кредите. Вне этих «ценностных манипуляций» невозможно проследить нарастание противоречий между производством и потреблением, поэтому нельзя дать реальный разрез капиталистического кризиса. Собственно, эти ценностные соотношения и сообщают повышению производительности труда характер «причины» цикла, больше—«создают» это повышение, неминуемо сказывающееся кризисом перепроизводства.

Базаров не дал и не мог дать ценностного механизма цикла, так как он недооценивает неорганизованный характер капиталистической системы. Базаров упрощает капитализм и это упрощение дает ему впоследствии возможность умалять и скрадывать различия советского и капиталистического хозяйства.

Помимо раньше приведенных положений, это особенно ярко обнаруживается на переоценке роли кредита в циклической динамике капитализма.

Кредит,—говорит Базаров,—создает «верхушку повышательной волны, фазу «расцвета», необходимым диалектическим дополнением которой является кризис» (с. 67). Исключить кризис—«это значит: устранить капиталистическую систему кредита, условно допустив, что ее вовсе не существует, или же, что она сосредоточена в руках государства, планомерно регулирующего финансово-кредитное дело»... Тогда,—продолжает автор,—производство «все время и во всех своих частях будет находиться под контролем реального спроса и потому подойдет к насыщению этого последнего плавно, без ажиотажа и кризиса» (с. 67—68, разр. моя. *П. М.*).

Укажем, прежде всего, на внутреннее противоречие, в которое впадает мысль автора. Цикл—результат перехода производительности труда на более повышенный уровень. Неизбежность этого перехода диктуется низкими ценами во время депрессии. Низкие цены—неизбежное следствие взорвавшегося кризисом перепроизводства. Исключая кредит мы имеем плавное насыщение рынка, постоянно действующий контроль реального спроса «все время и во всех частях» производства. Значит, не может возникнуть перепроизводство, а раз так, не будет низких послекризисных цен, не будет условий быстрого перехода производительных сил на более высокий уровень — цикл исчезнет.

В этой (который раз!) авторской «коллизии», как в зеркале, отражается непонимание анархии капиталистического хозяйства, ее преуменьшение. Анархия капиталистического воспроизводства с его резкими потрясениями сводится автором к кредиту. Вне кредита нет реального кризиса, никогда не возникнет противоречие между производством и потреблением. Государственная организация кредита, в контексте мысли Базарова, означает «плановый» капитализм,—капитализм, в котором не будет кризисов, проистекающих из его внутренней структуры. Если для Гильфердинга, Каутского в качестве предпосылки «планового» капитализма необходимо овладеть всем механизмом ценообразовании, превратить закон ценности в конституированный закон «организованного целого в антагонистической форме»,—это прежде всего, то для Базарова достаточно государственной организации кредита, чтобы покончить с кризисами, «обресть» если не целиком организованный, то «упорядоченный» капитализм. Это не марксистская, легкомысленная установка.

В этой серьезной ошибке Базарова отражается, прежде всего, непонимание всей сложности и специфической значимости законов ценообразования капитализма. Там, где закон ценности сводится преимущественно к его количественному выражению—«количество труда, которого стоит продукт» (примеч. с. 36), независимо от общественной формации, там всегда будет недооценка основного выражения анархии—в законах капиталистического ценообразования и конкуренции, и переоценена роль вторичного признака анархии—кредита.

Маркс совершенно иначе ставит вопрос: «Реальный кризис,—говорит он,—может быть представлен лишь в реальном движении капиталистического производства, конкуренции и кредита» [1]). Реальное движение капиталистического производства это—прежде всего действие развернутого механизма ценообразования, «рабочим инструментом» которого является конкуренция. Нарушения нормального ценообразования являются основным выражением назревания основного противоречия капиталистического хозяйства—противоречия между производством и потреблением.

Так и не иначе, ставит вопрос Маркс: «Кризисы,—говорит он,—обусловлены изменениями и революциями в ценах, которые не совпадают с изменением ценностей товаров»... [2]) (разр. моя. *П. М.*). Именно здесь, в нарушениях ценообразования, в силу отрыва рыночных цен от изменяющейся величины ценностей товаров, обостряются противоречия капиталистического хозяйства, взрывающиеся кризисами. Что касается кредита, то это—вторичный фактор. Не «создавая» кризиса, тем самым цикла, он усугубляет наметившиеся диспропорции во время под'ема, способствует перерастанию депрессии в под'ем, обостряет течение кризиса. Так и только так Маркс ставил вопрос о роли кредита. Не в бровь, а в глаз Базарову попадает следующее замечание Маркса. «Поверхность политической экономии обнаруживается между прочим в том, что расширение и сокращение кредита—простые симптомы сменяющихся периодов промышленного цикла—она признает их причинами»... [3]) (разр. моя. *П. М.*). Не выдвигая кредит исходным толчком цикла, Базаров тем не менее связывает с ним существование капиталистического кризиса, а следовательно, цикла.

Итак, для Маркса реальный кризис можно вывести только на основе развернутого действия законов ценообразования капитализма и кредита, для Базарова—только кредита. Маркс выдвигает нарушения ценообразования основным моментом «проявления» кризиса, Базаров целиком сводит всякие возможные нарушения к воздействию кредита. Следовательно, для Маркса цикл обнаружится уже при «переводе» общественного производства

[1]) Маркс, «Теории», т. II, ч. 2, с. 180.
[2]) Там же, с. 217.
[3]) Маркс, «К», I т., изд. 1923 г., с. 625.

на базу развернутого механизма ценообразования: ценность—цена производства—колебания рыночных цен, для Базарова реальный кризис, а тем самым цикл (ибо вне кризиса нет цикла), обязаны своим существованием модифицирующему воздействию кредита на ход общественного производства. Две противоположные установки.

К слову сказать, отдельные буржуазные экономисты более правильно расценивают роль кредита, чем Базаров. «Кредит сам по себе не может увлекать экономическую жизнь на ложный путь», говорит Бунятян... [1]). Но, основная толща буржуазной экономии как раз нарушениями в сфере кредита об'ясняет феномен цикличности. Базаров, приблизившись к ним в вопросе автоматизма цикла, сдал марксистские позиции и в оценке роли кредита.

Важность и серьезность ошибок Базарова, пробующего опираться на Маркса и скатывающегося каждый раз к буржуазной экономии, заставляет несколько подробнее развить основные моменты теории цикла Маркса.

Цикл—форма («фигура») течения капиталистического воспроизводства за более или менее определенные отрезки времени. Вне сложившегося капитализма, цикл не проявлялся и не сможет проявиться. Он обязан своим существованием специфической структуре капиталистического хозяйства, являясь формой взаимодействия производственных отношений капитализма с течением материального производственного процесса.

Различие общественных формаций обязано своим существованием характеру сочетания материальных и личных факторов производства. Основная особенность капитализма заключается в отделении производительной рабочей силы от средств производства. Из характера воссоединения их вытекает действие законов, ограничивающих долю рабочего класса в произведенной ценности. Отсюда—«недопотребление» рабочих масс, отсутствие соответствия между способностью капиталистического производства к массовому расширению и величиной личного платежеспособного спроса, неизбежность созревания противоречий.

Дальше, капитализм, как неорганизованная система, характеризуется стихийным механизмом уравнивания меняющихся величин общественного производства и потребления независимо от того, имеем ли мы дело с личным, или производительным потреблением. В основе этой стихийности лежит характер действия закона «равновесия» и движения капиталистической системы—закона ценности. Это—наиболее общий и в то же время родовой признак капиталистической анархии, на оси которого развертываются противоречия, проистекающие из факта поляризации средств производства и производительного труда.

Следовательно, анархия капиталистического хозяйства носит как бы «вздвоенный» характер: на ряду с основным противоречием между производством и потреблением мы имеем специфическое выражение в противоречии между производством и величиной личного платежеспособного потребления. Проявление первого противоречия в общественном масштабе неизбежно будет означать наступление второго, и, наоборот, противоречие между производством и личным потреблением не может проявиться в общественном масштабе, не обнаружившись в общем противоречии между производством и потреблением. Отсюда в реальном кризисе проявляется назревшее противоречие, как между производством и потреблением вообще, так и особое противоречие между более быстро выросшим производством и отставшим потребительским спросом.

[1]) Бунятян «Экономич. кризис», с. 106.

Сам же цикл—процесс созревания, взрыва и изживания этих противоречий, пронизывающих весь ход общественного воспроизводства.

Маркс, конструируя свои схемы общественного воспроизводства, выключил действие капиталистической анархии. В своем ценностном выражении схемы дают совокупное движение капиталистического хозяйства в его идеально-схематическом виде. «Пропорциональности» I и II подр. отражают ценностную пригонку бесчисленного количества отдельных отраслей по всему совокупному производственному фронту, предполагающую пропорциональность распределения труда по отраслям. Последнее, в свою очередь, означает не только соответствие производительного потребления производству, но и личного спроса. Пропорциональность личного спроса общественному производству выступает в данных условиях, как простая функция производственной пропорциональности.

Включение капиталистической анархии неизбежно будет означать нарастание противоречий по обоим указанным направлениям одновременно. Поэтому капиталистический кризис есть выражение капиталистической анархии, которая обнаружится одновременно на обеих своих плоскостях: в диспропорциональности между I и II подр.—производительный спрос, и между II подр. и личным потреблением—потребительский спрос. Это происходит в той мере и степени, в какой распределительные отношения и формы потребления суть обратная сторона самих производственных отношений.

Посмотрим, как осуществляется эта закономерность в механизме течения цикла.

Мы уже неоднократно говорили, что необходимым «толчком» цикла является массовое возмещение основного капитала в послекризисный период. Проистекающее отсюда быстрое повышение платежеспособного спроса (вначале на продукцию I, а затем и II подр.) наталкивается на невозможность его немедленного удовлетворения. Налицо—относительное недопроизводство. Для удовлетворения обнаружившегося спроса необходимо значительное расширение производственного аппарата. Никакие переливы капиталов из сферы обращения, массовое кредитование и капитализации прибавочной ценности не помогают. Наоборот, превращение капитала из денежной формы в производительную на первых порах ничего другого не означает, как усиление платежеспособного спроса при все более сокращающейся возможности его немедленного удовлетворения. Недопроизводство обостряется. Рыночным выражением этого обострения является повсеместный отрыв рыночных цен от цен производства (ценности) вверх.

Но обмен товаров по ценности (цена производства) является основным устоем «подвижного равновесия» системы. Всякое отклонение рыночных цен вверх и вниз от ценности неизбежно влекло соответствующие перемещения капитала в направлении выравнивания нарушенной «пропорциональности». Закон «равновесия» проявлял свое действие непосредственно после нарушения «пропорциональности». В результате этого, если и не могло осуществиться реальное «равновесие» всех частей капиталистического целого в каждый данный момент, то невозможны были резкие смещения отдельных частей общественного производства, которые взрывались бы периодическими кризисами.

В условиях массового обновления основного капитала четкое, непосредственное действие законов ценообразования нарушилось. Рыночные цены однотипно отклонились вверх от цены производства. Никакое напряжение капиталистической конкуренции, бешеный темп прилива капитала в сферу производства не в состоянии воссоединить рыночный механизм цен с регуляторами системы. Рыночные цены

перестали своим уровнем отражать меняющуюся величину ценности и отражают своим колебаниями только степень производительного и потребительного голода хозяйственной системы и ее людских элементов. Там, где сильнее недопроизводство—выше цены, больше оторвались от цены производства, там, где слабее—оторвались меньше.

Но, рыночные цены—единственный непосредственный критерий расширения и сужения производства для капиталистов. Имманентные капитализму (как и всякой системе) законы «пропорциональности» лишь в той мере ощущаются капиталистами, в какой они давят на них уровнем рыночных цен, определяющих величину прибылей.

Вскрывшийся конфликт между условиями «подвижного равновесия» системы и рыночными ценами кончается победой последних на всем протяжении под'ема. Стремясь преодолеть «недопроизводство», общественная система разворачивает производство, ориентируясь на высокий уровень цен. Этим она стреляет значительно дальше, чем расположена цель — платежеспособный спрос. Рыночные цены, оторвавшиеся от ценности, перестают быть правильными выразителями условий равновесия системы и, прежде всего, величины личного платежеспособного спроса. Все «пропорциональности» общественного производства нарушаются, имея исходным толчком нарушение «пропорциональности» между ежегодно отмирающим и возобновляемым основным капиталом. Общее направление этих нарушений было следующим: I подр. отстает от развертывания II подразделения, II подр. отстает от прироста личного платежеспособного спроса. Это в начале под'ема.

Но общественная система давно «трудится» над заделыванием бреши недопроизводства. Быстро строятся новые предприятия, закладываются целые новые отрасли. На определенной ступени развития этого процесса общество располагает достаточным аппаратом для полного удовлетворения потребительского и производительного спроса. Однако, рыночная конкуренция бессильна отразить существующий прирост производительного аппарата на подготовительной стадии к его функционированию, так как неотстроенные еще предприятия выступают попрежнему «суб'ектами» спроса, а не предложения. Переход их, когда они окончательно отстроятся, ко второй функции будет означать две вещи: 1) резкое сокращение платежеспособного спроса; 2) резкое усиление предложения. Этой трансформацией, перемещением ролей по отношению к рынку они одним махом меняют кон'юнктуру. Вместо хронического недопроизводства обнаруживается массовое перепроизводство: I подр. произвело больше, чем потребило II, II—больше, чем наличный потребительский спрос.

Итак: 1) массовое обновление основного капитала «порождает» под'емную фазу капиталистического производства; 2) поскольку рост общественного спроса обгоняет возможность соответственно быстрого расширения производства, то весь период под'ема протекает при условии и на основе повышенного уровня цен, тем самым прибылей; 3) эта невозможность быстрого (в соответствии с требованиями) расширения определяется не недостатком денежных капиталов и низким уровнем техники, наоборот, высоким техническим строением производства, пред'являющим усиленный добавочный спрос—с одной стороны, и удлиняющим время их постройки—с другой; 4) на определенной ступени развития под'ема, когда заканчивается процесс оборудования новых предприятий, рыночные показатели (цены, прибыли) перестают быть выразителями элементов «равновесия» системы; 5) ориентированный на них масштаб капитализаций сразу, перерезая стадию «равновесия», переводит

общественное производство из состояния «недопроизводства», как I, так и II подр., в состояние «перепроизводства», взрывающегося кризисом.

В начале под'ема как производительный, так и личный спрос прирастал более быстрым темпом, чем расширение производства. Конечной «причиной» назревания перепроизводства явилось именно отставание личного платежеспособного спроса. Неизбежность его отставания определялась: 1) отсутствием прямого соответствия между его приростом, не могущим преодолеть антагонистических условий капиталистического распределения, и возможным расширением капиталистического производства, зависимого только от уровня техники, массы накопления и массы денежных сбережений, перераспределяемых кредитом в производительную форму; 2) способностью I подразделения создавать свой внутренний «локальный» рынок (взаимное производственное обслуживание), сказывающейся в конечном счете в усиленной выброске именно потребительских продуктов, поскольку I подразделение есть предварительный аппарат по производству предметов потребления.

Поскольку I и II подр. расширялись во время под'ема на основе нарушенного механизма ценообразования, то это обстоятельство в условиях высоких цен и прибылей неизбежно должно было сказаться перепроизводством. Так как на продукцию I подр. был более напряженный спрос—раз, удаленность от непосредственного контроля потребительского рынка—два, способность к громадному внутреннему производственному обслуживанию—три, особая природа продукции, могущая быть потребленной только в условиях расширенного воспроизводства, при чем определенного темпа—четыре,—здесь существуют налицо условия более массового перепроизводства, чем во II подразделении. Отсюда, на ряду с общим превышением масштабом производства емкости потребительского рынка, обнаруживается диспропорция между I и II подразделением. Слабее выраженная вначале диспропорция на потребительском рынке усиливается затем вследствие резкого сужения производства I подр., сокращающего число занятых рабочих. Наступает кризис.

Итак, циклическая фигура капиталистического воспроизводства проявляет себя на базе развернутого механизма ценообразования и конкуренции. Общее перепроизводство, кризис предрешены характером действия этого основного механизма. Кредит только обостряет перепроизводство-кризис, не создавая его. Поэтому не в кредите, а в характере действия законов ценообразования—закона ценности в капиталистическую эпоху (с «трансмиссией» в виде цены производства), нужно искать исходную «причину» цикличности. Потеряв способность, вследствие массового прироста спроса в начале под'ема, перманентно обгоняющего предложение, «уравнивать» производственные нарушения по мере их возникновения, закон ценности «уравнивает» общественное производство в конечном счете. Действие его не может найти другого выражения, кроме резких сдвигов кон'юнктуры, смены ее отдельных фаз. Кризис, как раз и представляет собой уродливое выражение действия этой тенденции к равновесию. Срезав резким понижением цен излишний производственный аппарат и товарный капитал, закон ценности, в его капиталистическом оформлении, гонит общественное производство к «равновесию» его частей, никогда не достигая предельной чистоты своей «работы».

Исходным толчком для проявления этой тенденции является взрыв на рынке скрыто назревающего противоречия между потребительским спросом и предложением. И это совершенно не случайно. Анархия капиталистического хозяйства никогда не отлилась бы в форму закономерно протекающего цикла, если бы не было противоречия между общественным

характером капиталистического производства и антагонистическим распределением. Поэтому вне вскрывшегося противоречия между общественным производством и личным потреблением не может обнаружиться принудительное действие «закона равновесия»—ценности, или, наоборот, длительная приостановка действия этой уравнивающей тенденции неминуемо найдет свое выражение в нарастании противоречия в конечном счете здесь.

Постоянным толчком к нарастанию этого противоречия и принудительного его разрешения является массовое обновление основного капитала вследствие его морального износа. Фигурная линия капиталистического развития как раз и является выражением капиталистического действия закона ценности, на который давит это периодически повторяющееся явление.

Но «следствия в свою очередь становятся причинами», говорит Маркс, характеризуя диалектическую природу промышленного цикла. Массовая смена оборудования, определяя ценностные феномены в период под'ема, сама, в свою очередь, определяется ими в период депрессии. Не будь резкого снижения цен в результате взорвавшегося на рынке перепроизводства, не было бы непосредственных условий для массовых реконструкций и рационализаций.

На старой технической базе капитализм уже невозможен,—он не в состоянии создать условия для под'ема производства. Выход—в переходе производительных сил на очередную ступень техники. Этот переход происходит вследствие давления ценностных отношений, выраженного в том факте, что уровень цен стоит ниже величины ценности. Массовые технико-организационные процессы, развертывающиеся в период депрессии, как раз и сказываются в изменении величины ценности. Уменьшившаяся величина ценности (рыночной цены производства), изменяя соотношение рыночного спроса и предложения, вновь притягивает к себе рыночный уровень цен, становится равнодействующей их колебаний. Налицо—слаженный механизм ценообразования, рыночное «равновесие» соответствует производственному «равновесию» пришедших в ценностное соответствие отдельных частей воспроизводственного целого. Величина личного и производительного спроса соответствует масштабу общественного производства. Но, это лишь кажущееся равновесие, его идеально мыслимый «миг». Момент его «установления» обязательно сопровождается массовым приростом платежеспособного спроса реконструирующегося производства, который сразу же обгоняет возможность его немедленного удовлетворения. Темпы расширения, диктуемые выросшим спросом, превышают производственные возможности системы. Нехватка производственного аппарата и невозможность создать его «мгновенно», определяют нарушение «нормального» действия законов равновесия, что неминуемо, в специфических условиях капиталистической системы, скажется кризисом.

Итак, капитализм никогда не знает полосы равновесия. Условия развития производительных сил в капиталистической оболочке неизбежно отливаются в циклическую форму воспроизводства. Специфическим выражением такого взаимодействия «формы» и «содержания» является характер действия закона ценности в капиталистическую эпоху (с «трансмиссией» цен производства)—потеря способности изживать нарушения по мере их возникновения и изживание их в конечном счете. Конкретным выражением действия этой уравнивающей тенденции может быть только кризис.

Все остальные категории капиталистического хозяйства выстраиваются в направлении действия этой основной, усугубляют раз данную тенденцию. Взять к примеру кредит. Если нарушен обмен по ценам, совпадающим с ценою производства,—кредит усугубляет последствия этого явления для воспроизводства. Он через дальнейший отрыв платежеспособного спроса от производства (как капитальный, так и оборотный кредит), расталкивает отдельные части воспроизводства под внешней формой их теснейшего переплета. Здесь (период высокой кон'юнктуры под'ема) он выступает, как отталкивательная сила, как один из ферментов капиталистической анархии. Наоборот, в период депрессии, когда наметилась тенденция к сближению цены и ценности, кредит—важнейший фактор перерастания депрессии в под'ем. В этом «двуличном» действии кредита ясно видна его природа «вторичного» фактора циклической динамики.

Кредит—притягательная и отталкивательная сила капиталистического хозяйства в зависимости от характера действия «законов равновесия» в капиталистическую эпоху. Диалектическое противоречие, заложенное в законе ценности, могущем выявить свое организующее воздействие только при нарушениях «пропорциональности», определяет двустороннее действие кредита в течении капиталистического воспроизводства. Кредит, денежный рынок придают законченный рельеф циклу, который уже дан взимоотношением производительных сил с главными производственными отношениями капитализма.

Этого не понимает Базаров. Государственная организация кредита, если сделать это целиком произвольное для капитализма допущение,—не отменила бы цикла. Но, в условиях «гипотетического» капитализма, овладевшего механизмом ценообразования, т.-е. в плановом порядке приспосабливающегося к предначертаниям закона ценности, кредит сам по себе превратился бы в «рациональный» фактор, позволяющий капиталистическому производству с меньшими затратами достигать наибольшего эффекта.

* * *

По характеру статьи мы лишенны возможности останавливаться на других отдельных ошибках автора: 1) «депрессия есть система статического равновесия». Из того, что я излагал выше, вытекает принципиальная неправота этого утверждения. Затем: 2) неточности в определении причин капиталистического кризиса. В равной мере я не в состоянии критически разобрать положения автора о вековых движениях и больших циклах. Нам кажется, в этих вопросах он занимает более правильную точку зрения, чем экономисты, специально занимающиеся изучением этих процессов (см. Кондратьев, Первушин).

Нам хочется остановиться на заключительном аккорде, увенчивающем методологические и теоретические ошибки Базарова. Базаров, в заключение, отказывается от теории чисто капиталистического воспроизводства. Он говорит, что «замкнутая в себе и вполне развитая капиталистическая система... не смогла бы просуществовать и трех лет, ибо в дальнейшем производительная реализация накопления оказалась бы невозможной за исчерпанием резервов рабочей силы». «Таким образом... капиталистическая система..., лишенная возможностей империалистической экспансии, существовать не может. В этом Роза Люксембург вполне права, хотя аргументация ее мало убедительна, так как она приступила к анализу противоречий изолированного капитала с ненадлежащей стороны» (стр. 54. Разр. моя. *П. М.*). Дальше, что называется, ехать некуда.

Построения Базарова нестерпимо противоречивы и эклектичны: 1) ревизия общей методологии исследования общественных явлений Маркса; 2) отказ от автоматизма промышленного цикла; 3) непонимание двух разрезов анализа цикла — качественной структуры и конкретных модификаций; 4) сведение «причин» реального кризиса к кредиту, тем самым упрощение капитализма и 5) отказ от «чистого» капитализма.

Все основные моменты теоретических построений Базарова представляют собой сдачу марксистских позиций ревизионизму. Работа Базарова имеет ту вреднейшую черту, что, являясь в глазах буржуазной критики «марксистским» произведением, она стирает грань между марксистским и буржуазным осмысливанием цикла и кон'юнктуры. Это для той фракции буржуазных экономистов, к которой скатывается Базаров в общей методологии, вопросах автоматизма цикла, оценке роли кредита, отрицании «чистого» кипитализма. Для другой группы, занимающей иную позицию в оценке указанных моментов, обеспечивает легко доступную и «уничтожающую» критику «марксистских» построений. Внутренняя кричащая противоречивость отдельных положений автора, например, отрицание «чистого» капитализма и сведение всех влияющих на кон'юнктуру факторов (урожай, внешний рынок) к производительности труда,— делают плохую услугу марксизму.

Боевая теоретическая задача, стоящая перед научной экономией—построение систематической теории цикла и кон'юнктуры—должна быть связана с подробнейшей критикой методологической установки, приемов исследования и построений Базарова. Да и не могло быть иначе в силу существования тесной связи «реакционной гносеологии с реакционными потугами в социологии» (Ленин), осуществляющейся на примере указанного автора.

(Окончание следует).

Н. Сперанский.

К вопросу об улучшении партаппарата.

Азбучным для нашей партии положением, определяющим в каждый данный момент «установку» нашего партийного строительства, является положение об обязательности соответствия между формами партийной организации, методами ее работы и особенностями и задачами данной конкретной исторической обстановки. Нет «абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса, формы партийной организации, а равно и методов ее работы»... «Всякая организационная форма и соответствующие методы работы могут с изменением об'ективных условий развития революции превратиться из формы развития партийной организации в оковы этого развития» [1]).

С точки зрения этой организационной диалектики мы заранее должны ожидать, что современная эпоха, характеризуемая нами, как эпоха реконструкции нашего хозяйства, должна выдвигать свои, только ей, или в особенности ей, присущие требования в частности и к работе в области партстроительства.

Действительно, последние годы, ознаменовавшиеся столь крупными переменами во всей народнохозяйственной жизни, являются в то же время годами постепенного пересмотра практики нашего партийного строительства в целях приведения его в соответствие с новыми хозяйственными задачами. Этот пересмотр и это приспособление не выразились, правда, в какой-либо общей резолюции или тезисах ЦК или с'езда, заранее определяющих на целый длительный период постановку партией организационного вопроса во всех его сторонах и в деталях; но они совершаются исподволь, шаг за шагом, изо дня в день. Достаточно проследить за резолюциями ЦК партии на протяжении последних двух—трех лет (см., напр., разолюции о массовой работе, о вовлечении широких масс в кампанию по рационализации производства, о партработе на крупных предприятиях, о работе сов'ячеек с точки зрения борьбы с бюрократизмом и т. д. и т. п.), а также за постановлениями с'ездов, начиная с XIV, и конференций как всесоюзных, так и местных, чтобы убедиться, что партия все время неуклонно выправляет строй своей внутренней организационной работы, выравнивая его по линии, диктуемой особенностями наступившего реконструктивного периода.

Весьма существенным элементом во всю эту организационную работу партии входит работа над рационализацией партаппарата. Выражавшаяся ранее в отдельных частичных мероприятиях, указанная работа принимает теперь характер генеральной проверки работы всего механизма партии, который подвергается всестороннему изучению, чистке и упрощению в целях сообщения ему наибольшей подвижности, гибкости и

[1]) Из резолюции X с'езда РКП(б) по партстроительству.

труда. Международный капитализм—лига разбоя и эксплоатации. Международный пролетариат должен бороться за лигу рабочих и крестьян, за диктатуру пролетариата против империализма.

Разоружение буржуазии вооруженным пролетариатом—единственный путь к преодолению империализма.

На этот путь, на который вступил более десятка лет назад победоносный пролетариат СССР, зовет рабочие массы капиталистических стран Коминтерн.

П. Максаковский.

К теории цикла и динамике советского хозяйства [1]).

3. Динамика советского хозяйства.

Анализ структуры капиталистических циклов занимает центральное место в работе автора. В связи с ними развита интересная и многообразная аргументация. Однако, это не устраняет того факта, что исследование капиталистической динамики являлось для автора исходной позицией для того, чтобы «прыгнуть» на советскую экономику. Автор с тем большей охотой совершает этот прыжок, что до сих пор не было углубленных попыток построить «какую-либо общую теорию хозяйственного развития» у нас. Свою пионерскую попытку автор ограничивает проблемой динамики хозяйства, целиком оставив без рассмотрения вопрос о специфических закономерностях нашей переходной эпохи. Проблема регулятора, соотношение и взаимодействие стихийного и планового начала, характер и сфера действий категорий товарно-капиталистического хозяйства — все осталось вне поля зрения автора. И тем не менее В. Базаров пришел к определеннейшим выводам касательно общеструктурной линии нашего хозяйственного развития. Автор безапелляционно утверждает о циклической структуре динамики восстановительного периода, данные которого он обработал. В самом деле,—говорит он,—«даже замена капиталистического обращения и кредита плановым распределением продуктов и плановой утилизацией производительного накопления не привела бы автоматически к полной ликвидации циклов» (с. 79).

Больше, исходные посылки автора и характер его аргументации таковы, что они с еще большим правом адресуют сделанное определение «реконструктивному» периоду, в который вступило наше хозяйство, хотя автор «скромно» умалчивает на этот счет.

Итак, в качестве первого «критического взноса» на авторский счет мы констатируем факт, что Базаров сделал теоретическую попытку вскрыть природу динамики советского хозяйственного целого, не исходя из анализа общих закономерностей советского хозяйства. Здесь может быть три варианта оценки «поведения» автора: 1) автор, занимая правильную позицию в указанных вопросах, опирал на них ход своего анализа хозяйственной динамики, но не считал нужным дать их позитивное изложение; 2) автор, неправильно трактуя вопрос о наших закономерностях, пришел к ложным выводам касательно хозяйственной динамики; 3) автор не считал нужным связывать свои выводы с анализом закономерностей, так как у него существует другой, неправильный критерий подхода к проблеме, откуда он восходит к динамике советского хозяйства. Так оно и есть на самом деле.

Основным условием цикличности по автору является «неравномерность роста производительности труда». Она определяет собой со-

[1]) Начало статьи см. в предыдущем номере.

ответствующие колебания масштаба производства. Цикличность исчезнет только с установлением «плавного эволюторного уровня векового движения». Последний, «как реальная тенденция развития не существует ни в докапиталистическом, ни в капиталистическом, ни в нашем переходном советском хозяйстве» (с. 79). Для этого нужно «вполне развитое социалистическое общество». «Наша советская плановая система в теперешнем ее состоянии... еще бесконечно далека от этого идеала»... (разрядка моя. *П. М.),* поэтому для нас циклическая форма развития сохраняет свою силу. Оказывается, только из того факта, что у нас нет полной «равномерности роста производительности труда», автор делает безапелляционный вывод о неизбежно циклическом развитии нашего народного хозяйства.

Правилен ли тезис, что в нашей переходной экономике нет равномерности в развертывании производительных сил? Безусловно. Но, означает ли это, что у нас воспроизводственный процесс должен, как и при капитализме, отливаться в циклическую форму? Ни в коем случае. Причины в следующем.

Недостижение еще нами плавного эволюторного уровня вовсе не означает сохранение нашим хозяйством капиталистической формы перехода производительности труда с одной ступеньки на другую. Особенности этого процесса при капитализме заключаются в том, что он непременно сопровождается массовым моральным износом оборудования. Как в период расцвета быстрый рост цен приостанавливал техническую реорганизацию производства (некоторый под'ем техники в передовых группах сопровождался вступлением в работу отсталого оборудования, — в результате общественная средняя переставала повышаться), так в период депрессии низкие цены заставляют делать быстрый скачок вперед. Основной аппарат, который «управляет» этим процессом, сообщает ему своеобразную динамику,— это аппарат капиталистического ценообразования, конкуренции. Он накладывает на прогресс производительных сил капитализма неизгладимый отпечаток. Под'ем производительности труда сложившегося капитализма характеризуется резкими остановками и иногда даже некоторыми снижениями поднимающейся кривой. Равномерных, плавных «затуханий» темпа производительности не может быть при капитализме. Кривая производительности советского хозяйства (подразумевается ведущее ядро, государственный сектор) претерпевает существенные изменения. Это видно уже из диаграммы восстановительного процесса в целом, приведенной Базаровым на 152 стр. Если сравнить эту диаграмму с кривой производительности труда капитализма (с. 52), то сразу же бросаются в глаза серьезные отличия. Кривая производительности советского хозяйства потеряла свойственные капитализму резкие остановки темпа, из скачкообразной превратилась в слабо выраженную волнообразную. Она заняла законное, переходное место между капиталистической динамикой и плавным уровнем развития социализма. Это вполне закономерно. Корни указанного явления нужно искать в структуре советского хозяйства.

Главная особенность советской переходной экономики заключается: 1) в плановом перераспределении накопления с целью направить процесс воспроизводства по заранее определенному руслу; 2) в сильнейшей модификации механизма ценообразования, сопровождающейся резким сокращением действия конкуренции. Поэтому, неотменяемый ни для одной формации технический прогресс получает существенно иную форму внедрения в производство. Техническая реконструкция и рационализация

делаются обычным явлением нашего хозяйства, не будучи связаны с определенными периодами, как при капитализме. Резкие приостановки производительности и резкие ее скачки вперед заменятся более плавным, эволюционным развитием. Это, конечно, не означает, что прирост производительности станет равномерным во все этапы. Наличный уровень производительных сил, степень господства организованной части хозяйства этого обеспечить еще не могут. Однако, бесследно исчезнут этапы полной приостановки и даже падения уровня в один период (расцвет), сменяющиеся быстрым взлетом в другой (начало под'ема).

Исчезновение капиталистической формы движения производительности труда предрешает вопрос о существовании цикла. Причина данного явления лежит в особой, принципиально иной структуре советского хозяйства. Изменилась (изменяется) сама форма исторической обусловленности течения хозяйственного процесса. Если при капитализме последняя выступала, как «об'ективированный результат индивидуальных воль», в виде стихийно действующих законов, то в ведущем ядре нашей экономики, в государственном секторе, мы имеем сознательное восприятие ее и приспособление к ней в меру господства новой системы производственных отношений. Поэтому, уравновешивание отдельных элементов нашей переходной структуры происходит не post factum, не в конечном счете, как при капитализме, а открылась и разрастается все более широкая возможность сознательного приспособления к нормам пропорциональности, сопровождающаяся все большим отжиманием стихийного начала, хотя последнее играет еще значительную роль в конкретном течении воспроизводства.

Изменение характера обусловленности сопровождается и изменением норм пропорциональности. При капитализме именно закон ценности с его «трансмиссией» определял нормы пропорциональности системы. Последние не могут быть перенесены ни на одну другую общественную систему, поскольку в их основе лежит категория абстрактного, общественно-необходимого труда — раз, особое положение личного платежеспособного спроса, определяющегося антагонистическими условиями капиталистического распределения — два. Равновесие на основе закона трудовых затрат в его социалистическом выражении будет выглядеть совсем иначе.

Переходный советский строй, характеризующийся трансформацией закона ценности в закон трудовых затрат, не достигший еще в целом норм пропорциональности социалистического хозяйства, принципиально разорвал с капиталистическими нормами распределения труда по отраслям. К примеру, на почве реконструкции личного потребления, преодолевшего в значительной мере закон ценности рабочей силы, развертываются иные соотношения между потребительским рынком и производством II подр. и в зависимости от этого другое равновесие между II и I подразделениями.

Наконец, отсутствие монистичности в структуре советского хозяйства, как хозяйства переходного,— зависимость расширения сферы приложения социалистических отношений от сожительства и взаимоотношений с простым товарным хозяйством,—исключает самую возможность построения однотипной схемы общественного воспроизводства. Базаров глубоко неправ, когда он ограничивается применением к советскому хозяйству марксовой схемы капиталистического воспроизводства, дополненной частно - балансовыми уравнениями. В этом отражается неправильность всей его установки на советское хозяйство, непрерывное на всем протяжении книжки умаление differentia specifica нашей переходной

структуры, увенчивающееся циклической теорией советского воспроизводства.

Основной воспроизводственной схемой у нас должна быть схема взаимоотношений социалистического ядра и простого товарного хозяйства. Она, в свою очередь, дополняется другой, включающей влияние капиталистических отношений (внутри, извне), и завершается сводным балансом производства, распределения, потребления. Главная схема, естественно, должна строиться по линии основного, определяющего сплетения системы и дополнятся модифицирующими моментами. Именно исходя из этого принципа, Маркс конструировал схему капиталистического воспроизводства. Безраздельное господство капиталистических отношений, не имеющих в лице пережитков прошлых формаций принципиальных антагонистов, определило чисто капиталистическую схему воспроизводства. Такой же чистой схемой обобщится воспроизводство при социализме. В переходной экономике не может быть соблюдена чистота этого принципа. Здесь главная воспроизводственная линия протекает по линии стыка новых развертывающихся отношений со старыми, их взаимодействия и взаимовлияния. Воспроизводственный процесс социалистического ядра теснейшим образом переплетается с крестьянским хозяйством, выступающим (на ряду с рабочим классом) суб'ектом личного спроса, производительного спроса и в свою очередь являющимся полноценным суб'ектом предложения по этим основным линиям связи. Уже исходя из чисто производственно-рыночного разреза этих связей, главная схематическая линия воспроизводства должна положить в основу это производственное сплетение. Однако, крестьянское хозяйство (как и вообще простое товарное хозяйство), взятое в изолированном состоянии, родит не социалистическую, а капиталистическую тенденцию. Другое дело в условиях тесной производственно - хозяйственной зависимости и государственного руководства социалистического ядра.

Таким образом, в направлении основных узлов чисто - производственной обусловленности и зависимости, обеспечивающих общий под'ем производительных сил, пролегают условия развертывания социалистических отношений, связанных с расширением обмена веществ между крестьянским и государственно-социалистическим хозяйством, с вытекающей отсюда качественной переработкой крестьянского хозяйства. Общий рост производительных сил необходимо сочетается с ростом производственной мощности социалистического сектора—раз, с относительно более быстрым ростом социалистических элементов—два, с увеличением удельного веса и области проявления социалистических отношений в сравнении с простыми товарными — три, с все большим падением удельного веса и «территориальным» сужением капиталистических отношений—четыре.

Это — об'ективные закономерности советского переходного периода, пронизывающие ход общественного воспроизводства, долженствующие определять собой «социальный» аспект теории воспроизводства. Соответственно, реальное течение советского воспроизводства не обнаружит циклической формы, так как основные закономерности переходной эпохи исключают расширенное воспроизводство капиталистических отношений, как основной, определяющий момент развития.

Уже период «восстановительного» процесса сильнейшим образом ограничивает действие капиталистического механизма ценообразования и конкуренции. Это выразилось, прежде всего, в исчезновении капиталистической «трансмиссии» закона ценности. Закон средней нормы прибыли не действует, тем самым отмерла категория цены производства,— стержень, вокруг которого происходят периодические сдвиги цен. Стремление к большей прибыли не является в каждый данный момент стимулом планового распределения труда по отраслям. Одновременно преодолевается действие закона ценности, последний перестает быть постулатом «равновесия» системы.

Особенно важно отметить это затухание ценностной тенденции в социалистическом секторе, учитывая то, что только крупное, широко разветвленное производство создает такие узлы хозяйственно-цепной зависимости, которые могут сказаться в цикле. Значительно меньшее ограничение закона ценности в крестьянском хозяйстве не может реставрировать эту тенденцию, ибо хозяйственная анархия простого товарного хозяйства не отливается в форму цикла.

Итак — цикл есть только специфическая фигура движения развернутого капиталистического воспроизводства. Устранение капиталистических отношений, как господствующей системы, означает устранение цикла. Советская переходная система заместила господство капиталистических отношений господством планово - социалистических, тем самым цикл исчезает. Гибель его тем более неизбежна, поскольку в лице социалистического сектора, как руководящего ядра, мы имеем трансформацию «бессуб'ектного» хозяйства в хозяйство «суб'ектное». Пережитки простого товарного хозяйства, не отменяя цикла при капитализме, не в состоянии отменить и нашу «бесцикличность». Пережитки капиталистического хозяйства, не возглавляя основных отраслей нашего производства и обращения, лишены возможности восстановить циклическую тенденцию. Это тем более понятно, что несложившийся еще в систему капитализм, капитализм, не знавший еще развернутой формулы ценообразования: ценность—цена производства—рыночные цены, не знал цикла. Об этом свидетельствует конкретно - капиталистическая история.

Отмирание формулы ценообразования сложившегося капитализма означает, как я уже говорил, изменение условий «пропорциональности» системы. Первое—закон ценности не распределяет труда по отраслям, хотя и оказывает влияние на плановое распределение. Второе—антагонистическое распределение свойственное капитализму изживается (имеет закономерную тенденцию перерастать в социалистическое). Платежеспособный спрос личного потребления, сломав устои ценности рабочей силы, представляет величину, определяющую другие соотношения между отдельными частями производственного целого. Третье — плановое руководство воспроизводственным процессом предполагает более или менее равномерное внедрение технических усовершенствований в производство. Вот основные моменты, различающие воспроизводственный процесс советского хозяйства от капиталистического.

Плановое начало исключает периодические сдвиги цен, определяющие «затухание» технических приращений на гребне высокой кон'юнктуры и быстрый прирост их в условиях низких депрессивных цен. Другими словами, подчинение «ценообразования» в значительной мере сознательному воздействию есть предпосылка более плавного технического прогресса. Быстро идущий процесс реконструкции, опирающийся на социалистическое накопление, также не создает условий для цикла. В первый период, характеризующийся отставанием масштаба производства от платежеспособного спроса, трудно вообще представить моральное снашивание в большом масштабе. Во второй период, когда установятся основные элементы пропорциональности между производством и потреблением, массовые замены не-

производительного оборудования передовым, не вызовут того эффекта, которым сопровождается моральное снашивание во время капиталистической депрессии. Поскольку механизм ценнообразования все в большей мере подчиняется плановому началу и им модифицируется, затем, поскольку реконструкция осуществляется на основе планового же учета темпов расширенного воспроизводства всей совокупности отраслей и потребительского спроса — исключается стихийный, безудержный прирост производства на манер капиталистического, который далеко забежал бы за пределы платежеспособного спроса. Замена конкуренции плановым ценообразованием исключает также возможность возникновения длительных конфликтов между рыночными показателями и условиями равновесия системы, которые в капиталистическом хозяйстве неизбежно сказываются перепроизводством.

Отрицание цикличности советского хозяйства не означает отрицания кон'юнктурных колебаний. Причины кон'юнктурности ряда хозяйственных процессов следует искать: 1) в отсутствии единого организованного хозяйства—сожительство социалистических элементов с простыми товарными и капиталистическими; 2) в недостаточной высоте уровня производительных сил государственного сектора и недостаточном масштабе производства, чтобы можно было без замедлений удовлетворять возрастающий спрос; 3) в значении денежно-кредитных связей в течении воспроизводства.

Так как воспроизводственный процесс социалистической промышленности связан рядом важнейших звеньев (производительный и личный спрос, предложение) с крестьянским хозяйством, где в значительной мере проявляется действие стихийных экономических законов и влияние урожаев,— это определяет собой существование повышательных и понижательных волн кон'юнктуры. Яркий образец—сезонные волны. Базаров на 129 стр. привел показательную диаграмму понижательной волны в летние месяцы каждого хозяйственного года и правильно заключает, что «эта тенденция порождена общими экономическими причинами» (с. 130). В период отставания производства от платежеспособного спроса мы будем иметь также ряд кон'юнктурных колебаний, связанных с прорывом планового регулирования ценовыми сдвигами ряда отраслей. Кроме того, поскольку у нас нет и не может быть пока совершенного учета прироста потребительского спроса,—с одной стороны, поскольку мы не располагаем еще способностью быстрейшего развертывания производства в меру встречающейся необходимости — с другой, поскольку, наконец, на отдельных участках нашего хозяйства действует конкуренция, не исчезая целиком и внутри социалистического сектора,— действуют тенденции к всякого рода смещениям и уклонениям от «пропорциональности», принимающие в одних случаях вид закономерно повторяющихся сезонных колебаний, в других—спорадических повышений и понижений кон'юнктуры для секторов или отдельных отраслей.

Однако, эти кон'юнктурные колебания не выстраиваются на оси цикличности, как при капитализме. Они, теряя свой капиталистический стержень, остаются в нашей экономике в той мере, в какой организованное во всех своих частях социалистическое хозяйство не появляется сразу же после крушения господства капиталистических отношений. Отрицание господства этих отношений означает исчезновение цикличности, — это первый результат, спорадические же и сезонные колебания исчезнут только при полном овладении обществом течением своего хозяйственного процесса, т.-е. при социализме. Назревающие диспропорции могут вскрыться на рынке резким противоречием

между производством и потреблением, но этот факт ни в какой мере не говорит о существовании цикличности.

Большое значение для исчезновения циклических волн в нашем хозяйстве играет интегральность нашей экономики. Мало зависимые от мирового капиталистического хозяйства, мы в малой степени подвергаемся воздействию волн мировой кон'юнктуры. Это воздействие, имеющее тенденцию все более уменьшаться, в силу твердо взятого курса на индустриализацию страны, не входит существенным моментом в нашу народнохозяйственную динамику, не говоря уже об отмене нашей бесцикличности.

Другое дело более развитая в хозяйственном отношении страна, но тесно входящая в международное разделение труда. Вырвав в еще большем размере внутрихозяйственные корни цикличности, она своим воспроизводственным процессом сильнее будет отражать кон'юнктурные волны мирового капитализма, несмотря на усиленное социалистическое строительство внутри.

Перейдем теперь к конкретной постановке Базарова о советских циклах. «Как мы видим,—говорит он,—динамика восстановительного процесса по формальной структуре своей аналогична... динамике капиталистической промышленности в тот период, когда эта последняя переходит от депрессии к оживлению при посредстве технической реконструкции, повышающей производительность труда... В том и другом случае движение должно носить не равномерно затухающий, а циклический характер,—с одним, однако, крупным различием: так как наша государственная система кредита принципиально отлична от частнокапиталистической, то можно думать, что во второй своей части цикл восстановительного процесса обойдется без типичной для капиталистического цикла фазы ажиотажа и «расцвета», раздувающего об'ем продукции на приостановленном в своем росте или даже деградирующем уровне, с нарушением нормальных пропорций между отдельными отраслями хозяйства» (с. 102—103, разрядка моя. *П. М.*).

В этом «генеральном» положении заключен целый ворох ошибок. Первое автор качественно не различает динамику советского и капиталистического хозяйства. В советской системе, как и в капиталистической был бы «кризис на финише», если бы не было государственной организации кредита. Предположив последнюю при капитализме, мы не будем иметь отличий в динамике: как там, так и здесь, она останется циклической. Особая структура советского хозяйства, характеризующаяся «плановым распределением продуктов и плановой утилизацией производительного накопления», «новыми общественными отношениями», сразу летит вверх тормашками. Признавая на словах качественные особенности нашего хозяйства, повторяя привычную терминологию о социально-экономической реконструкции, автор тем не менее «капиталистически» мыслит нашу народнохозяйственную динамику. В этом проявляется серьезная недооценка социалистической сердцевины нашего советского хозяйства. Автор на всем протяжении книжки разбросал ряд скептических замечаний на этот счет (с. 42, 54, 79 и др.).

Второе: мы уже подчеркивали всю несостоятельность утверждений о том, что кредит «рождает» кризис. В них содержится умаление анархии капиталистического хозяйства, что позволило Базарову прямо «без пересадки» переехать из капиталистического хозяйства в советское. Если занять точку зрения Базарова, то получается сплошная бессмыслица. Нет кредита—нет диспропорции, нет кризиса. Так почему же, когда производство «все время и во всех своих частях будет находиться под контролем

реального спроса», должен проявиться «бескризисный» цикл, почему масштаб производства должен сжиматься абсолютно, почему более быстрые темпы прироста производительности не сменятся более медленными, но неуклонно повышающими масштаб общественного производства? Ведь, при тех предпосылках, которыми оперирует Базаров (соответствие потребления производству, их уравновешивание в каждый данный момент), у Маркса получается прямо-восходящая, а не волнообразно-циклическая линия развития. Откуда, наконец, у Базарова в этих условиях,—когда нет диспропорций,—могут появиться причины, понижающие достигнутый уровень техники? Ниоткуда. Это—бездоказательный постулат. В итоге получается, что Базаров оперирует не реальной, а мифической, больше сказать, нелепой величиной — «бескризисного» цикла. Это, однако, не исключает того факта, что Базаров отрицает коренное, принципиальное различие динамики советского и капиталистического хозяйства, рассматривает советскую динамику, как модификацию капиталистической.

Третье: совершенно не вяжется выдвинутая автором теория цикличности советского хозяйства с другим его утверждением, что в противовес капитализму нам свойственны «кризисы недопроизводства», что «тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству для капитализма» (разрядка автора, с. 99).

Не будем останавливаться на том, в какой мере эта тенденция—закон, не могущий быть преодоленным плановым перераспределением сил и средств, не менее выросших, чем прирост личного платежеспособного спроса. Нас это положение автора интересует в той связи, что оно прямо противоречит его теории советской цикличности. Недостаток личного платежеспособного спроса при капитализме в условиях нарушения производственных пропорциональностей неизбежно разражается кризисом, следовательно, является неотъемлемым условием цикличности. Противоположный разрез «ножниц» производства — потребления у нас, определяя возможность рыночных нарушений, не является «причиной» сужения промышленного производства, наоборот, все более будет подстегивать его темп. Периодический зажим потребительским рынком производства при капитализме дает перепроизводство — кризис—цикл; отставание производства от прироста личной платежеспособной базы в условиях советского хозяйства дает недопроизводство—задержку возможных темпов развертывания — отсутствие цикла. Итак, «кризисы недопроизводства», по терминологии автора, отмечаемые им для советского хозяйства целиком отрицают его циклическую «теорию». Построения автора в своей принципиальной сущности неправильны и противоречивы по аргументации. Временами это чувствует и сам автор. Непрерывно утверждая о действии основных моментов торгово-промышленного капиталистического цикла у нас, приводя бесконечные аналогии и т. д., он вдруг заявляет, что структура восстановительных циклов стоит в «более близком родстве» с «большими циклами», «чем с малыми».

Это утверждение, забываемое автором уже на следующих страницах, тем более странно, что Базаров отрицает реальность существования больших циклов, не видит в капиталистической экономике «органических» причин, их порождающих, тогда как весь анализ советского «цикла» он ведет на основе свойственной торгово-промышленному циклу неравномерности роста

производительности труда. Эти качания Базарова—одно из подтверждений искусственности и предвзятости его анализа советского хозяйства.

Теперь несколько слов о теории «двуцикличности». В применении к «восстановительному» периоду Базаров говорит не об одном, а о двух циклах. «По нашему мнению, двуциклический тип движения предрешался всей структурой нашей пореволюционной экономики...» (стр. 106, разрядка моя. *П. М.*).

Первый цикл начался развертыванием продукции в 1921—22 г. и окончился в 1923 г. «или в самом начале 1924 г.» (стр. 113), второй—с 1924 г. вплоть до 1926 г. В конце первого и начале «второго восстановительного периода мы переживали хозяйственную депрессию» (стр. 127).

Но посмотрим ближе, что это за циклы. Первый цикл породили следующие условия: 1) «оздоровление» заработной платы, делающее возможным «более или менее интенсивный труд»; 2) «элементарные» меры по очистке предприятий «от явно убыточного персонала». Это вся «совокупность основных факторов, создавших первый цикл восстановительного процесса» (стр. 107). Дальше, автор сам заявляет, что здесь нет и в помине «пониженных цен депрессивного периода при капитализме», которые «создают условия для преодоления депрессии». Больше, цены на протяжении этих лет были так низки, что «промышленность работала себе в убыток».

Итак, не было технической реконструкции производства, не было высоких цен и прибылей, наоборот, промышленность «разбазаривала» основной и оборотной капитал, следовательно, не было не только бурного накопления, наоборот, не возмещались часто издержки производства. И этот первый слабый вздох нашей промышленности, «растопку» производства, автор окрестил первым восстановительным циклом. Полная нелепость собственного определения не ускользает и от самого автора. «Если бы на месте государственной промышленности при прочих равных условиях оказались частные капиталисты, то, несомненно, никакого «оживления» возникнуть бы не могло, и 1921/22 г. дал бы лишь усугубление депрессии предшествующих лет» (стр. 107, разрядка моя. *П. М.*).

Здесь буквально несусветная путаница. Цикл—порождение капитализма—возникает в первые годы нэпа, как сплошное отрицание исходных толчков, сдвигов цен, типа воспроизводства, проявляющихся в капиталистическом цикле. Приходится такой «анализ» целиком отнести на теоретическую совесть автора.

Второй цикл начинается после кризиса осени 1923 г. Его предпосылкой является: 1) реконструкция «производительных сил в сфере организации промышленного труда» (стр. 108). Здесь мы имеем более действительный толчок с точки зрения капиталистического цикла. Но он получился, как признается автор, в силу роста планового начала, сказавшегося в снижении отпускных цен, улучшении калькуляции, упорядочении денежно-кредитной системы. Оказывается, второй, более яркий цикл, который «далеко оставил за собой первый», обязан своим существованием росту планового начала, укреплению и упрочению социалистической тенденции. Все грани, все принципиальные отличия капиталистической и советской динамики исчезли. Чем развитее капитализм, чем быстрее идет технический прогресс, тем ярче цикл. Чем больше укрепляется социалистическая тенденция советского хозяйства, опирающаяся на под'ем производительности труда, тем ярче цикл. Получается, что цикл в такой же мере присущ капиталистическому, как и развертывающемуся советскому хозяйству, ибо, чем дальше, тем более быстрым темпом будет итти под'ем уровня производительных сил нашего народного хозяйства.

Мы уже дали принципиальную критику этого смешения. В заключение мы еще раз можем подтвердить, что, на ряду с недооценкой социалистического характера советской экономики, непонимание основных причин капиталистического цикла, недооценка капиталистической анархии сказываются в бесплодных построениях Базарова. Не понимая всего значения «ценностных» феноменов цикла и переоценивая роль кредита, Базаров создает почву для логизации цикла. Для него цикл прежде всего результат неравномерного под'ема производительных сил. Отмечая эту неравномерность при капитализме и в советском хозяйстве, он утверждает о цикличности воспроизводственного процесса как там, так и здесь. Специфическая оболочка капитализма, периодически зажимающая развитие производительных сил, действие которой как раз и сказывается в ценностных сдвигах капиталистического хозяйства, у автора отходит в тень. Остается голый стержень: динамика производительности труда и зависимость от нее динамики производства. И автор утомительно доказывает эту зависимость как при капитализме, так и в СССР. Однако, последняя сама по себе не означает ничего большего, как тот факт, что рост производительных сил определяет собой рост производства. Отсюда еще далеко до цикла. Автор не обратил внимания на изменившийся характер кривой производительности при капитализме и в СССР и не связал этот факт с принципиальным изменением форм обусловленности течения производства. В первом случае—обусловленности через стихийные законы, действующие post factum, действие которых неизбежно сопровождается нарушением «пропорций», взрывом противоречий между производством и отстающим потреблением; во втором—изживание этих законов, плановое приспособление к непосредственно осознаваемым нормам пропорциональности, изменение их, изменение соотношений производства и личного потребления, в силу изживания антагонистичности капиталистического распределения и т. д. Следовательно,—другие общественные отношения, преодолевшие в значительной степени капиталистические формы распределения, потребления, организации экономического процесса.

Эту новую общественную форму недооценивает В. Базаров. Он недооценивает и капиталистическую форму. Это забвение формы, отодвигание ее на задний план особенно ярко выпирает в его неисторической постановке проблемы ценности. Это забвение формы мы видели на характере попыток свести качественные экономические узлы к законам теоретической физики. Весь развернутый ряд ошибочных построений уходит своими корнями в неприятие автором марксистской гносеологии. Не представляя собой непосредственного вреда, когда дело идет о капиталистической экономике, этот однобокий, спутывающий различные качественные явления, механистический подход должен получить отпор, когда его дыхание чувствуется на важнейших проблемах нашего хозяйственного строительства.

* * *

Мы не останавливаемся на анализе приводимых автором кривых производительности—масштаба производства и их связи в отдельные годы и этапы восстановительного периода. Что эта связь есть и будет вплоть до социализма — это несомненный факт. В целях изучения динамики советского хозяйства и предвидения частных кон'юнктурных колебаний и сдвигов, необходимо внимательно анализировать структуру этих связей. В этом отношении книжка Базарова представляет собой важную и значимую попытку. Богато иллюстрированная диаграммами и таблицами, она представляет собой ценный материал, если освободить ее (советскую) часть от теоретических примесей автора.

* * *

Автор в теории капиталистического цикла не затрагивает вопроса о соотношении теории цикла и кон'юнктуры. Нам кажется целесообразным сделать несколько кратких замечаний на этот счет. Теория кон'юнктуры распадается на несколько этапов исследования. Первый—исследуется совокупность действующих «причин» и «следствий», определяющих собою циклическую «фигуру» капиталистического воспроизводства, т.-е. конструируется теория цикла. Методологическое основание—чистый капитализм. Второй—рассматривается в принципиально-теоретическом разрезе влияние монополистических об'единений, государства, международного разделения труда, урожаев, на циклическую динамику. Методологическое основание—чистый капитализм. Третий—типизируются кон'юнктуры в зависимости от конкретных хозяйственных структур (ряд стран с типовым соотношением промышленности, сельского хозяйства, внутреннего и внешнего рынка, баланса и т. д.). Методологическое основание—конкретный капитализм. Четвертый—исследуются хронологические отрезки кон'юнктуры отдельных стран в отдельности или соотносительно, как они располагаются на оси конкретно-выраженного цикла, в целях описания или предвидения. Методологическое основание—конкретный капитализм. Область исследования не теоретическая, а конкретная по преимуществу. Следовательно, теория кон'юнктуры не представляет собой отдельной от цикла части, это—вся совокупность теоретически изучаемых закономерностей развернутого течения чистого и конкретного капиталистического воспроизводства с учетом влияния всех важнейших факторов, вытекающих из международного разделения труда, монополистических об'единений, соотношения промышленности и сельского хозяйства, роли урожаев и т. д. Очередная задача марксистской экономии заключается в систематической развернутой разработке этих проблем.